

18+

Коврежников И.С.

ВНЕУТРОБНАЯ ИЗМОРОЗЬ

Я Был урной, в которую все целились.

Илья Коврежников

**Внеутробная изморозь.
Тишина, которая громче крика**

«Издательские решения»

Коврежников И. С.

Внеутробная изморозь. Тишина, которая громче крика /
И. С. Коврежников — «Издательские решения»,

Герой этой книги не назван по имени — потому что им мог быть любой ребёнок, которого вы встречали в школе или во дворе. Он боится идти домой — там пьёт отец. Он боится идти в школу — там бьют и унижают. Он боится просить помощи, потому что самые близкие люди отвечают: «Терпи». «Внеутробная изморозь» — роман о предательстве тех, кто должен защищать. О холоде, который поселяется внутри, когда мир отворачивается от тебя. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Оглавление	6
Глава 1. Птица за дверью	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Внеутробная изморозь Тишина, которая громче крика

Илья Сергеевич Коврежников

© Илья Сергеевич Коврежников, 2026

ISBN 978-5-0070-7120-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Глава 1. Птица за дверью
Глава 2. Герои на тетрадном листе
Глава 3. Путь червя
Глава 4. Кровь на асфальте
Глава 5. Клён и печенье
Глава 6. Две секунды тепла
Глава 7. Справка за грифель
Глава 8. Хлебные смешарики
Глава 9. Смерть внутреннего ребёнка
Глава 10. Тление
Глава 11. Последний день жизни
Глава 12. Край крыши
Глава 13. Ржавое пятно

Внеутробная изморозь

Глава 1. Птица за дверью

Мы с мамой заперлись в спальне. Она прижимает мою голову к груди, и я слышу, как стучит её сердце. Быстро-быстро, как пойманная птица.

— Всё кончится, — шепчет в макушку. — Всё будет хорошо.

Голос дрожит. Я чувствую дрожь щекой. Кожа у неё пахнет стиральным порошком и чем-то кислым — усталостью, наверное.

За дверью отец бьёт кулаком. Петли вздрагивают, с потолка сыплется побелка. На десятом ударе дверь должна вылететь. Но держится. Всегда держится. Как мама.

В горле железный привкус. Всегда, когда он буянит. Как будто монету лижешь.

По телевизору счастливая семья разливает молоко. Девочка с косичками улыбается маме. Мама — папе. Папа гладит девочку по голове. Их смех перекрывает отцовскую брань. Будто специально — заглушить нас.

Смотрю на экран и впервые понимаю: такого не бывает. Ни у кого. Их мир за стеклом, пластмассовый. Наш пахнет страхом, потом и разбитой посудой.

Удары стихли.

— Уснул, — шепчет мама.

Она гладит меня по волосам. Рука тёплая, но движения механические, как у куклы. Поднимаю голову.

Взгляд пустой. Смотрит сквозь меня в стену, в прошлое, в дыру, откуда я её не достану. В её глазах моё отражение: маленькое и мутное. Без искры. Будто кто-то задул её давно. Так давно, что меня тогда и не было.

Телевизор бубнил в углу что-то бессмысленное и весёлое. Никто не слушал.

Она как рыцарь. Только без доспехов. Её щит — вера, что всё наладится. Эта вера тает. Как мороженое, которое отец достает из холодильника, ставит на стол и забывает. А оно течёт по вафле белыми слезами.

Из-за двери храп. Рваный, с присвистом.

Мама идёт к шкафу, начинает складывать мои футболки. Аккуратно, стопочками. Когда он буйнит, она всегда переключается на вещи. Утюжит, перебирает, складывает. Как будто наводит порядок в белье, потому что в жизни навести не может.

Я залезаю под кровать. Забиваюсь в угол, закрываю уши ладонями. Не от храпа — от всего.

Здесь можно мечтать.

Я футболист. Лучше Месси. Финал чемпионата мира, мне дают пас — гол! Стадион ревёт. Я подбегаю к камере: «Мама, это для тебя». Получаю премиальные, покупаю BMW. Не себе. Ему.

У него на холодильнике вырезка из журнала, какая-то старая модель. Подъезжаю к дому. Он выходит, смотрит на машину и плачет. «Это тебе, пап». Он понимает: уважение можно заслужить не только страхом.

Фантазия обрывается.

Мама стоит у двери, прижавшись ухом. Слушает его всхлипы. Лицо спокойное, как когда футболки складывала.

Тысячу раз он извинялся. Тысячу она прощала. Тысячу он нарушал обещание.

Я смотрю на них и плачу. Не от жалости. От бессилия.

Они оба в этом. И меня тащат.

Вытираю слёзы рукавом.

Завтра всё сначала.

Глава 2. Герои на тетрадном листе

Я вылез из-под кровати, сел за стол, начал раскрашивать Человеков-пауков. Мама рисовала их для меня по ночам. Я просыпался случайно и видел, как она сидит с карандашом, высунув язык от усердия. Утром на столе — стопка контуров.

Её любовь — неровная линия. Где-то дрожит рука, где-то карандаш соскочил, а она не стирает. Неидеальная, чуть кривая, но тёплая. Не как в телевизоре, где всё гладкое.

Это другая любовь. Тихая. Не ломает двери, не пахнет перегаром. Просто рисует, чтобы у меня был свой герой.

Фломастер заканчивается. Линия бледная, рваная. Нажимаю сильнее и продырявливаю бумагу. С обратной стороны — фиолетовая клякса, похожая на раздавленного жука.

Смотрю на дыру: вот так и мне исчезнуть. Тихо. Сначала линия бледная, потом рвётся, потом дыра.

— Сынок, кушать.

Не встаю. Мы никогда не едим на кухне, только перед теликом. Если кто-то садится на кухне, отец орёт: «Ты чего там спрятался?»

Мама приносит поднос. Куриные крылышки, макароны, грибной соус. Жую, облизываю пальцы. Вкусно. Она хорошо готовит, когда он спит.

Смотрим в экран. Это единственный свет, под которым мы собираемся вместе.

Отец в кресле, в руке пульт. Пульт в полиэтилене, так и лежит с момента покупки. Боится, что кнопки сотрутся. Смотрю на этот целлофан и не понимаю: как можно беречь дешёвую вещь и швырять тарелки об стену?

— У меня голова болит. И тошнит.

Не вру. Внутри кто-то долбит.

Родители переключаются. Схема отработана.

— Это ты его довёл! — Я молчал! — Ты орёшь! — Я разговариваю!

Стону погромче. Обвинения стихают. Мать — к аптечке. Отец рядом, кладёт тяжёлую ладонь на голову. Ладонь пахнет табаком и металлом.

— Держись, сынок. Ты же боец!

Не верю. Ни в то, что пройдёт, ни в то, что я боец. Внутри я комок страха. Всего боюсь. Споров, криков, учителей. Выходить из дома боюсь — людей, собак, чужих взглядов.

Проще сказать, чего не боюсь.

Смерти и старости.

Мать находит таблетки. Проглатываю. Капсула застревает в горле, запиваю тремя глотками.

— Сейчас отпустит.

Киваю.

Боль не уходила. Её и не было. Но я сижу с несчастным лицом — только так можно получить тишину.

Через десять минут я «почувствовал себя лучше». Родители разошлись. Ложусь, уставившись в потолок. На обоях пятно от протечки — формой как Африка. Смотрю и думаю: там тепло. Там не бьют после школы.

Закрываю глаза — и проваливаюсь в сон. Единственное место, где мне хорошо.

Глава 3. Путь червя

Будильник вырвал из сна.

Секунду я ещё там — в тёплом месте, без запаха перегара. Потом запах ударил в нос. Всё встало на свои места.

Я дома.

Сон был сладкий. Сны — единственная сладость в этом доме. Там я тот, кем хочу. Там не болит голова, отец не пьёт, мама улыбается по-настоящему. Сон — единственное, что нельзя отобрать. А мы ложимся поздно, сами себя обворовываем.

Встал. За окном серо.

Опять.

Из одного ужасного места иду в другое. Там издёвки и насмешки умножены на два. Как в микроволновке: поставил — и через минуту уже горячее.

Выхожу и думаю: это мой последний день. Завтра отдадут аттестат — и всё. Буду сидеть дома. Но взрослые говорят: без аттестата ты не человек. Всё должно быть как у них. Они мучились — и мне надо. Их каноны пыльные и бесполезные, как старые газеты, которыми дед печку растапливает.

Мир живёт по другим правилам. Грубым, непонятным.

С этой мыслью плетусь.

Смотрю под ноги. Серый бетон в кленовых листьях. Прилипли к мокрому асфальту. Между ними копошатся черви. Медленно, неуклюже. Останавливаюсь, смотрю на одного. Каково это — быть червём? Твоя жизнь висит на шаге прохожего. Шаг — и мокрое пятно.

Перешагиваю.

Школа. Забор. Сердце колотится в горле, как будто хочет выпрыгнуть и убежать без меня.

— Опять, — говорю вслух.

Это слово хуже всего. «Снова» тоже плохо, но я его не говорю. Если разрешу себе синонимы — станет хуже. Я скуп на слова, как отец на подарки.

Шагнул внутрь.

Пахнет пылью и чужим потом. Здесь свои правила: не высовывайся. Не задавай вопросов — они боятся вопросов. Как мой отец боится слова «люблю». Чуть что — их мир развалится.

В раздевалке старушка-гардеробщица с добрыми глазами. Как она сохранила их, работая здесь?

— Здравствуй. — Здравствуйте. — Щёки красные. Холодно? — Да. — Одевайтесь теплее.

Голос дрогнул. У меня или у неё?

Даёт номерок. Металлический, холодный. Я зажимаю его в кулаке, пока иду.

Кружу по лестницам. Убиваю время до звонка. Что может быть хуже, чем ждать унижение?

Сажусь на подоконник. На тот, на котором нельзя. Плевать. Всё равно виноват. Если невзлюбили с первого взгляда, что ни делай — виноват.

Вжимаюсь спиной в холодное стекло. В потолке трещина как молния.

— Слезай.

Обернулся. Трое. Руки в карманах, взгляды ленивые, скучающие.

— Слезай, — повторяет главный. Толкает в плечо, несильно, пробуя. — Залезай ко мне.

— Шутник.

Дёргает за рукав. Я не сопротивляюсь, прыгиваю сам. Но он всё равно толкает. Сильнее. Лечу спиной на подоконник, потом падаю.

Медленно.

Пол ударяет в копчик. Больно, искры из глаз. Ложусь щекой на линолеум. Пахнет хлоркой и грязной обувью.

Пинки по рёбрам, по ногам, по спине. Сжимаюсь, закрываю голову руками. Считаю: раз, два, три.

Не кричу. Не прошу помощи.

Молчу и думаю: когда стрелка доползёт до двух. До 14:00. Там бабушка. Пахнет ванилью и тёплым печеньем. Батарей шипят, голуби воркуют за окном. Руки не бьют, только гладят.

А пока — пинки, смех сверху, холодный пол.

Прекратили. Не сразу понял. Лежал, ждал следующего удара. Не было.

Поднялся, опираясь на подоконник. Отряхнулся.

— Нормально, — сказал.

Они засмеялись. Удивлённо. Развернулись и ушли, хлопая друг друга по плечам.

Звонок.

Все на урок, а я в уборную. Отмываться.

Включаю ледяную воду. Смотрю в зеркало: губа цела, синяков пока нет. Пыль на рукаве, мокрые пятна на штанах. «Опять опоздаю. Опять буду стоять у доски».

Тру рукав под водой. Пыль смывается, но след от подошвы остаётся. Мыло не пенится, скатывается катышками.

Вытираю руки о штаны.

В коридоре пусто. Только мои шаги и гул ламп.

Глава 4. Кровь на асфальте

..., к доске.

Фамилия прошла сквозь меня. Сижу, смотрю в одну точку.

Сосед тычет кулаком в плечо. Костяшками, больно.

— Тебя вызывают.

Встаю.

— Я не готов.

Учительница даже головы не подняла. Проверяет тетради.

— Садись. Два.

Лучший исход. Она в хорошем расположении — день пролетит быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.